

УГОЛЕК В ПЕПЛЕ

САБА ТАХИР

УГОЛЕК
В ПЕПЛЕ

Роман

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)44
Т24

Sabaa Tahir
AN EMBER IN THE ASHES

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Перевод с английского *Елены Шолоховой*

Тахир, Саба.

Т24 Уголек в пепле: [роман] / Саба Тахир; пер. с англ.
Е. Шолоховой. — Москва: Издательство АСТ, 2016. —
448 с.

ISBN 978-5-17-092850-7

В Империи сопротивление карается смертью.

Если вы не верны Императору и телом, и душой, вашу семью могут казнить.

В таком беспощадном мире живет Лайя. Когда ее старшего брата арестовывают за государственную измену, девушка решает прикинуться рабыней, для того чтобы шпионить в Военной академии Империи.

В таком беспощадном мире живет Элиас. Он — один из лучших солдат академии, но больше так жить не хочет. Едва ему приходит мысль о дезертирстве, его отправляют на битву.

Когда их пути пересекаются, они понимают, что связаны одной судьбой и одним выбором, который изменит будущее всей Империи.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое) 44

ISBN 978-5-17-092850-7

Copyright © 2015 Sabaa Tahir

© Е. Шолохова, перевод на русский язык, 2015

© ООО “Издательство АСТ”, 2015

*Каши, который доказал,
что мой дух сильнее страха*

ЧАСТЬ I

ОБЛАВА

1: Лайя

Мой старший брат вернулся домой в самый темный час перед рассветом, когда призраки и те уже отдыхают. От него пахло сталью, углем и кузницей. Врагом.

Он ловко перепрыгнул через подоконник, беззвучно ступая босыми ногами. Следом ворвался горячий пустынный ветер, зашелестел занавесками. На пол выпал его альбом, и быстрым движением он пнул его под кровать, точно змею.

Где ты был, Дарин? В мыслях я набиралась мужества и спрашивала его об этом, и Дарин в ответ доверялся мне. *Куда ты все время исчезаешь? Почему? Ведь ты так нужен Поупу и Нэн. Ты нужен мне.*

Каждую ночь на протяжении почти двух лет я собираюсь спросить его об этом. И каждую ночь у меня не хватает смелости. Дарин — единственный, кто у меня остался. Я не хочу, чтобы он отдалился от меня, как от всех остальных.

Но сегодня все иначе. Я знала, что в его альбоме. Что это значит.

— Ты должна спать. — Шепот Дарина отвлек меня от тревожных раздумий. Это его почти кошачье чутье досталось ему от матери. Он зажег лампу, и я села в постели. Бесполезно притворяться спящей.

— Комендантский час давно начался, патруль уже три раза проходил. Я волновалась.

— Я знаю, как не попасться солдатам, Лайя. Это дело практики.

Он оперся подбородком о мою койку и улыбнулся ласково и насмешливо, совсем как мама. И посмотрел так, как обычно глядит, когда я просыпаюсь от кошмаров или когда у нас заканчиваются запасы зерна. *Все будет хорошо*, говорили его глаза. Он взял книгу с моей кровати.

— «Те, кто приходят ночью», — прочитал он название. — Жутковато. О чем она?

— Я только начала, о джиннах... — я запнулась. Умно. Очень умно. Он любит слушать истории так же, как я люблю их рассказывать. — Забудь. Где ты был? Этим утром Поуп принял с десяток пациентов, не меньше.

А мне пришлось подменять тебя, потому что он бы не справился в одиночку. И поэтому Нэн вынуждена была сама разливать джем по бутылкам. Вот только она не успела. И теперь торговец нам не заплатит, и мы будем голодать зимой. И почему, о небеса, тебя это ни сколько не волнует?

Но все это я произнесла мысленно. Улыбка уже исчезла с лица Дарина.

— Я не подхожу для целительства, — сказал он. — И Поуп об этом знает.

Я хотела смолчать, но вспомнила, каким был Поуп этим утром, вспомнила его плечи, сгорбленные словно под тяжким бременем. И вновь подумала об альбоме.

— Поуп и Нэн зависят от тебя. Хотя бы поговори с ними. Уж не один месяц прошел.

Думала, он скажет, что я не понимаю. Что должна оставить его в покое. Но он лишь покачал головой, лег на свой ярус кровати и прикрыл глаза, будто не желал утруждать себя ответами.

— Я видела твои рисунки, — слова торопливо слетели с моих губ.

Дарин тотчас вскочил, лицо стало непроницаемым.

— Я не шпионила, — пояснила я. — Просто один листок оторвался. Я нашла его, когда меняла утром циновки.

— А ты сказала Нэн или Поупу? Они видели?

— Нет, но...

— Лайя, послушай.

Десять кругов ада, мне не хотелось ничего слушать! Никаких его оправданий.

— То, что ты видела, — опасно, — предостерег Дарин. — Ты не должна об этом никому рассказывать. Никогда. Потому что это угрожает не только мне, но и другим...

— Ты работаешь на Империю, Дарин? Ты служишь меченосцам?

Он промолчал. Мне показалось, что вижу ответ в его глазах, и от этого мне стало дурно. Мой брат предал собственный народ? Мой брат на стороне Империи?

Если бы он тайно хранил зерно, продавал книги или учил детей читать, я бы поняла. Я бы гордилась им за то, что он способен на поступки, на которые у меня не хватило бы смелости. Империя устраивает облавы, сажает в тюрьмы и даже убивает за подобные «преступления», но учить шестилеток грамоте — вовсе не зло в представлении моего народа, книжников. Однако то, что делал Дарин, — это плохо. Это предательство.

— Империя убила наших родителей, — прошептала я. — Нашу сестру.

Я хотела закричать на него, но слова встали в горле комом.

Меченосцы завоевали земли книжников пятьсот лет назад, и с тех пор они только и делают, что угнетают наш народ и превращают нас в рабов. Когда-то Империя книжников славилась лучшими университетами и богатейшими библиотеками в мире. Сейчас же многие книжники не смогли бы отличить школу от оружейного склада.

— Как ты мог встать на сторону меченосцев? Как, Дарин?!

— Это не то, что ты думаешь, Лайя. Я объясню все, но...

Брат внезапно осекся, и когда я спросила об обещанном объяснении, взмахнул рукой, призывая замолчать. Он повернулся к окну. Сквозь тонкие стены доносился храп Поупа. Слышалось, как ворочается во сне Нэн, как за окном печально воркуют голуби. Знакомые звуки. Домашние звуки. Но Дарин уловил что-то еще. Лицо его побледнело, в глазах мелькнул страх.

— Лайя, — молвил он. — Облава.

— Но если ты работаешь на Империю... *зачем тогда солдатам устраивать на нас облаву?*

— Я не работаю на Империю, — его голос звучал спокойно. Спокойнее, чем я чувствовала. — Спрячь альбом. Он им нужен. За ним они и пришли.

Затем он вышел за дверь, оставив меня одну. Я еле двигалась. Босые ноги стали вдруг ватными, руки одеревенели. *Поторопись, Лайя!*

Обыкновенно Империя устраивала облавы среди бе- ла дня. Солдаты хотели, чтобы все происходило на гла- зах женщин и детей книжников. Чтобы соседи видели, как чьих-то отцов и братьев лишают свободы. Но какими бы ужасными ни казались дневные облавы, ночные были еще страшнее. Их устраивали тогда, когда Импе- рия не желала оставлять свидетелей.

Я думала, явь ли это? Может, это кошмарный сон? *Нет, все происходит на самом деле, Лайя. Так что шевелись!*

Я кинула альбом из окна в живую изгородь. Не слиш- ком надежное место для тайника, но у меня не было вре- мени, чтобы найти другое. Нэн, прихрамывая, вбежала в мою комнату. Ее руки, такие уверенные, когда она пере- мешивала джем в чанах или заплетала мне косы, метались в отчаянии, словно обезумевшие птицы. *Поторопись!*

Она вытащила меня в коридор. Дарин и Поуп стояли у задней двери. Серые волосы дедушки были всклоко- чены и торчали словно стог сена, одежда измята, но на морщинистом лице не было и следа сна. Он что-то ти- хо сказал Дарину, а затем передал ему самый большой кухонный нож Нэн. Не знаю зачем — против клинков меченосцев, выкованных из серракской стали, нож был абсолютно бесполезен.

— Уходите с Дарином через задний двор, — взгляд Нэн метался от окна к окну. — Пока они не окружи- ли дом.

Нет, нет, нет.

— Нэн, — выдохнула я, споткнувшись, когда она подтолкнула меня к Поупу.

— Спрячьтесь в восточном конце квартала... — ба- бушка внезапно осеклась, не своя взгляда с одного из

окон. Сквозь изношенные занавески я уловила смутные очертания серебряного лица. Внутри все сжалось.

— Маска, — охнула Нэн. — Они привели маску. Беги, Лайя. Пока они не вошли в дом.

— Но что будет с тобой? С Поупом?

— Мы их задержим. — Поуп нежно подтолкнул меня к двери. — Храни свои секреты, любимая. Слушайся Дарина. Он о тебе позаботится. Беги.

Тень брата заслонила меня. Дверь за нами захлопнулась, и он взял меня за руку. Дарин пригнулся, растворяясь в теплой ночи, бесшумно двигаясь по сыпучему песку заднего двора с уверенностью, которой мне, к сожалению, очень недоставало. И хотя мне уже семнадцать и я достаточно взрослая, чтобы справиться со страхом, но все равно я схватилась за его руку как за спасительную соломинку.

Дарин сказал, что не работает на них. Тогда на кого он работает?

Каким-то образом он сумел подобраться близко к кузницам Серры и смог зарисовать в деталях, как делают самое ценное достояние Империи: несокрушимые изогнутые клинки, которые одним ударом способны рассечь трех человек.

Пятьсот лет назад Империя книжников пала под натиском меченосцев в первую очередь потому, что наши мечи были слишком хрупки против их превосходной стали. И за все это время мы ничуть не продвинулись в кузнечном ремесле. Меченосцы хранят свой секрет так же бережно, как скряга стережет золото. Любой, кто будет пойман поблизости от городской кузницы без уважительной причины — будь то книжник или меченосец, — рискует жизнью. Если Дарин не работал на Империю, как он смог подобраться так близко к кузницам Серры? И как меченосцы узнали о его альбоме?

В переднюю дверь постучали кулаком. Послышались грохот сапог и звон стали. Я испуганно огляделась во-

круг, ожидая увидеть серебряные доспехи и красные плащи легионеров Империи, но двор был пуст. Несмотря на ночную прохладу, по шее градом катился пот. В отдалении я услышала бой барабанов, доносящийся из Блэклифа — военной академии, где обучались будущие маски. От этих звуков мой страх усилился и словно игла впился в сердце. Империя не посылает этих чудовищ с серебряными лицами на рядовую облаву.

Снова раздался стук в дверь.

— Именем Империи, — прогремел раздраженный голос. — Приказываю вам открыть дверь.

Мы с Дарином застыли точно изваяния.

— Не похоже, что это маска, — прошептал Дарин.

Маски говорят вкрадчивым шепотом, который проникает в тебя как острие меча. За то время, что понадобится легионеру постучаться и зачитать приказ, маска уже проникнет в дом, рассекая клинком любого, кто встретится на пути. Я поймала взгляд Дарина и поняла, что мы думаем об одном и том же. Если маски нет с остальными солдатами у передней двери, то где он?

— Не бойся, Лайя, — сказал Дарин. — Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Мне бы хотелось ему верить, но ноги, точно кандалами, сковало страхом.

Я вспомнила семейную пару, что жили по соседству: три недели назад на них устроили облаву, увели и затем продали в рабство. «Книжные контрабандисты», — сказали меченосцы.

Спустя пять дней одного из пациентов Поупа, девятилетотрехлетнего старика, который едва мог ходить, казнили в собственном доме. Ему перерезали горло от уха до уха. «Сочувствовал Ополчению».

Что солдаты сделают с Нэн и Поупом? Посадят в тюрьму? Продадут в рабство? Убьют?

Мы добрались до калитки на заднем дворе. Дарин приподнялся на цыпочки, чтобы открыть задвижку, когда его остановил шорох в переулке за забором.

За спиной вздохнул ветер, вздымая в воздух облако пыли. Дарин отодвинул меня за спину и сжал нож так крепко, что побелели костяшки пальцев. Калитка открылась с протяжным скрипом. От страха по спине побежали мурашки. Через плечо Дарина я выглянула в переулок. Ничего. Только случайный порыв ветра, тихий шорох песка да закрытые ставни в домах спящих соседей. Я вздохнула с облегчением и обошла Дарина.

И в этот момент из темноты появился человек в серебряной маске и шагнул мне навстречу.

2: Элиас

Дезертир умрет до рассвета. В пыльных катакомбах Серры он петлял точно подбитый олень. Он выбился из сил. Тяжелый горячий воздух здесь насквозь пропитан запахом смерти и разложения. Судя по следам, которые я нашел, он был здесь больше часа назад. Бедолага, стражники шли за ним по пятам. Если ему повезет, то его убьют во время погони. Если нет...

Не думай об этом. Надо спрятать рюкзак и выбираться отсюда.

Я просунул мешок с водой и запасами еды в потайное отверстие в стене, с хрустом раздвигая черепа. Элен устроила бы мне взбучку, если бы увидела, как я непочтителен к мертвым. Впрочем, узнай она, почему я здесь, осквернение останков стало бы далеко не главным обвинением.

Но она не узнает. По крайней мере, пока не станет слишком поздно. Чувство вины неприятно кольнуло, но я загнал его поглубже. Элен — самый сильный человек из всех, кого знаю. Она справится и без меня.

В сотый раз я оглянулся. В туннеле все было тихо и спокойно. Дезертир увел солдат в противоположную сторону. Но видимое спокойствие — лишь иллюзия, которой, как я знал, нельзя доверять. Я работал быстро, закладывая костями тайник, чтобы скрыть все следы. Все мои чувства обострились до предела.

Остался один такой день. Всего один день паранойи, скрытности и лжи. Один день до окончания школы. И я буду свободен.

Пока я передвигал черепа, горячий воздух в склепе за моей спиной заколебался, точно медведь пробудился от зимней спячки. Сквозь зловонное дыхание туннеля проникли запахи травы и снега. У меня было лишь две секунды, чтобы отступить от тайника и опуститься на колени, изучая землю, будто в поиске следов. Она подошла со спины.

— Элиас? Что ты здесь делаешь?

— Ты разве не слышала? Ищем дезертира, — ответил я, продолжая вглядываться в пыль.

Серебряная маска, закрывающая мое лицо ото лба до подбородка, не позволяла прочесть мои эмоции. Но почти каждый день из четырнадцати лет в Военной Академии Блэкклифа мы с Элен Аквиллой провели вместе, поэтому она вполне могла улавливать и то, о чем я думаю.

Она молча обошла меня, и я взглянул в ее глаза, такие же бледно-голубые, как теплые воды, омывающие южные острова. Моя маска сидела на лице как нечто чужеродное и скрывала черты так же хорошо, как и чувства. Но маска Элен вросла в нее и стала словно второй серебряной кожей. Я увидел, как она слегка нахмурилась, глядя на меня сверху вниз. *Расслабься Элиас*, — попытался я себя успокоить. — *Ты просто ищешь дезертира.*

— Он прошел не здесь, — молвила Элен. Она провела рукой по светлым волосам, заплетенным, как обычно, в тугую косу, венчающую голову словно платиновая корона. — Декс взял группу наемников с северной сторожевой башни и отправился с ними в восточную ветвь туннеля. Думаешь, они поймают его?

Наемники, хоть и не настолько хорошо обучены, как легионеры, а с масками и вовсе ни в какое сравнение не идут, все же считаются безжалостными преследователями.

— Конечно, они поймают его, — мне не удалось скрыть горечь в голосе, и Элен пристально посмотрела на меня. — Трусливый подонок, — добавил я. — Но почему ты проснулась? Не ты ведь на посту этим утром?

В этом я заранее удостоверился.

— Эти чертовы барабаны, — Элен осмотрела туннель, — разбудят любого.

Барабаны. Конечно. По случаю побега они прогремели в середине ночной смены. Все действующие силы на поиски дезертира!